

Галерея - 2004 - 5 марта - с 13

трудно быть Жванецким

завтра писателю-сатирику исполняется 70 лет

|| СЛАВА ТАРОЩИНА

Тяжела судьба сатирика в России. Сидишь в тиши кабинета, мучаешься над остротами. А в это время председатель Госстроя РФ Николай Кошман убедительно шутит в «Основном инстинкте»: «Не надо накладывать на правительство то, что мы привыкли на него накладывать». Политики легко побеждают всех мастеров смеха, кроме одного — Михаила Жванецкого. Потому что Жванецкий — явление.

О многих ровесниках Михаила Михайловича принято говорить с легким сожалением: уходящая натура. У Жванецкого биологический возраст не совпадает с реальным — он востребован, молод, глаз горит, руки рвутся жестулировать, энергия и фантазия бьют ключом. Зрители-слушатели сегодня и всегда любят его, ждут, ловят каждое слово. Одним словом — счастливый человек. И мало кому есть дело до того, что личность Жванецкого гораздо глубже его публичного амплуа.

В России, по моему разумению, существовало два этапа юмористики: 1) смех сквозь слезы; 2) смех как оппозиционный акт. Жванецкий — гениальное дитя второго периода. Период закончился. Дитя выросло. Что делать? Работать, отвечает Михаил Михайлович. И он работает — один в трех лицах. Писатель Жванецкий тяготеет к отточенному слову, чистому звуку, потаенному смыслу. Сатирик Жванецкий бодрит народ, взошедший, словно опара, на смеховой культуре выделки Петросяна и Дубовицкой. Телеведущий Жванецкий служит мыслителем по найму, размышляет об Ираке и Чечне, о Путине и Думе, ибо он — вечный «Дежурный по стране». Не самый удачный формат для юбилария, но программа хороша живой атмосферой и местом действия, то бишь Красной площадью. Ведь место это, частично превращенное в кладбище, осенено блистательным наблюдением мэтра: «Ничто так не сплачивает народ, как похороны руководства».

И только однажды мы увидели совсем другого Жванецкого — сомневающегося, мучительно преодолевающего дисгармонию бытия. Таким он предстал в программе «Жизнь замечательных людей».

Снималась она в Одессе, и, пожалуй, впервые, глядя на экран, подумалось: изображение может передавать запах. Передача остро пахла морем, свежей рыбой, листвой на бульваре и чем-то таким особым, что бывает только в городе Бабеля и Жванецкого. Знаменитейшего писателя повсюду встречали не как высокого гостя, но как родного, близкого человека. Да и сам он все повторял: у меня есть любимая жена, сын, машина, я счастлив... Но камера молча, на одних крупных планах, помечала ту пропасть между видимым и сущим, что гложет общенародного кумира. Особенно поразил один кадр — в центре полупустой комнаты на стуле сгорбившись долго-долго сидит М. Ж. в куртке и низко надвинутой на лоб кепке. Камера мучительно медленно наплывает на лицо, и мы слышим признание, дающееся ему ценой невероятного усилия: «Ты стоишь на сцене, а они не смеются. Ты бы уполз на карачках, а нельзя. Возраст идет, ты должен смешить. А не хочется. Все привыкли, что ты смешишь, а самое страшное — и ты привык. Я ведь пишу и грустные вещи. Но публика этого не хочет знать». Порт, чайки, низкое небо, осень. А под «картинку» подложена его любимая голливудская музыка 40—50-х. И от бодрой заезженной пластинки, и от этих тоскливых глаз, и какого-то нереального города веет невыразимой грустью...

Он сам в присущем ему шутливо-афористическом стиле вывел формулу вечного внутреннего конфликта: «Мы мечемся между Басковым и Киркоровым. У одного есть голос, у другого — слух. Вот мы и мечемся между ними, не зная, кого выбрать». Это он о себе сказал. И о нас тоже.

Михаил Жванецкий: «Возраст идет, ты должен смешить. А не хочется...» Фотограф: Глеб Щелкунов/Газета

